

Костригин Артем Андреевич,

преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Москва
artdzen@gmail.com

Трактат Аристотеля «О душе»: два перевода, две философско-психологические эпохи

Аннотация. Публикуется историко-психологическое исследование библиографии русских переводов трактата Аристотеля «О душе». Приводится полный список переводов трактата «О душе». Автор акцентирует свое внимание на личностях психологов и философов В.А. Снегирева (1842-1889) и П.С. Попова (1892-1964). Проводится сравнительный анализ текстов переводов, анализируются причины осуществления переводов авторами. Ставится проблема влияния эпохи на восприятие текста психологического трактата Аристотеля и на определение места древнегреческой философии в современной психологии.

Ключевые слова: история психологии, Аристотель, переводы, О душе, В.А. Снегирев, П.С. Попов, сравнительный анализ, библиография.

Философские трактаты Аристотеля являются не только литературными памятниками древнегреческой культуры; они послужили основой для разработки философских концепций последующих эпох. До сих пор философское наследие Аристотеля актуально, и его исследованием и интерпретацией занимается большое количество специалистов [2; 10; 23; 33; 37], издаются переводы работ древнегреческого философа [3; 5; 6; 7].

Масштаб личности и гения Аристотеля настолько велик, что А.Ф. Лосев и А.А. Тахо-Годи пишут о его творчестве так: «Поскольку Аристотелю приписывают сочинения на все мыслимые темы (кроме, только, может быть, военного искусства), создается впечатление, что под этим именем скрывается целая академия, — особенно если учесть, что о самых частных проблемах поэтических приемов, медицинской науки, повадок животных Аристотель пишет так детально и подробно, словно всю жизнь ничем другим не занимался» [20, С. 177].

Судьба философии Аристотеля в разные периоды истории человечества испытывала столь различное отношение (от поклонения до порицания), что это не могло не сказаться на том, как его философские концепции передавались в веках от одного поколения мыслителей к другим. В.П. Зубов справедливо подмечает: «Образ Аристотеля в представлениях последующих поколений непрерывно менялся, искажался, или, наоборот, становился все более определенным и четким; тот с кем сражались противники, зачастую вовсе не был похож на подлинного Аристотеля. Изучить последовательность этих метаморфоз с должной глубиной – значило бы писать историю науки и философии за 23 столетия, подробно раскрывая, в чем именно последующие поколения искажали и в чем развивали аристотелевское наследие, что оригинального вносили они от себя и в чем отступали от мнения «Философа» [13, С. 6]. Проследить все эти изменения аристотелизма в истории философии – огромная и благородная задача, как и рассмотрение переводов работ Аристотеля, в том числе и русских. По мнению В.П. Зубова, «Аристотелевская терминология трудно поддается и порой вовсе не поддается переводу на другой язык. Трудность не в новых словообразованиях вроде «энтелехии» (подобных неологизмов не так много), трудность в том своеобразном значении, которое Аристотель придавал словам, бытовавшим и в живой, обыденной речи. Простая

передача их соответствующими русскими выражениями в большинстве случаев может создать для читателя лишь видимость понимания, стирая те специфические нюансы и те связи между понятиями, которые ясно видны в греческом и пропадают в переводе» [13, С. 7].

Именно благодаря сложности переводов произведений Аристотеля, заслуживает внимания разговор о том, когда впервые они стали переводиться на русский язык. Вместе со стремительным развитием науки, философии, культуры и искусства в России в XIX в. появились и первые переводы трактатов Аристотеля. А.Н. Чанышев в своей книге, посвященной Аристотелю, приводит список русских переводов [38, С. 215-217], некоторые переводы указывает В.П. Зубов [13, С. 57-60]. Приведем небольшой список дореволюционных переводов [38, С. 215-216] (ниже курсив мой – А.К.):

- О поэзии, сочинение Аристотеля (первые 18 книг) / *Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский*. М., 1854.
- Аристотель. Категории. На греч. и рус. яз. / *Перевел и объяснил М. И. Касторский*. СПб., 1859.
- Аристотель. Политика / *Пер. Н. Скворцова*. М., 1865.
- Психологические сочинения Аристотеля. Вып. 1. Исследование о душе / *Пер. В. Снегирева*. Казань, 1885.
- Аристотель. Поэтика / *Пер. Захарова*. М., 1885.
- Аристотель. Афинское государственное устройство / *Пер. Н.Я. Шубина*. СПб., 1891.
- Аристотель. Об истолковании / *Пер. Э. Л. Радлова*. СПб., 1891.
- Аристотель. Первая аналитика / *Пер. Н. Н. Ланге*. СПб., 1891-1894.
- Аристотель. Политика / *Пер. Н. Скворцова*. М., 1893.
- Аристотель. Риторика / *Пер. Н. Платоновой*. СПб., 1894.
- Аристотель. Метафизика. Кн. I-V / *Пер. П. Первова и В. Розанова*. СПб., 1895. Вып. I.
- Аристотель. История и обзор афинского государственного устройства. На греч. и рус. яз. / *Пер. и изд. А. Ловягина*. СПб., 1895.
- Аристотель. Гимн добродетели. // *Алексеева В. А. Древнегреческие поэты в биографиях и образцах*. СПб., 1895.
- Аристотель. Этика / *Пер. Э. Радлова*. СПб., 1908.
- Аристотель. Политика / *Пер., предисл., примеч. и прилож. С. А. Жебелева*. СПб., 1911.

С середины XIX в. наблюдается пристальное внимание к произведениям Аристотеля, широкое распространение его идей, т.к. после переводов трактаты доступны и для широкого круга читателей.

В данной статье автор подробно рассмотрит русские переводы трактата «О душе», первого психологического трактата в истории психологии и философии. Анализ справочной литературы по психологии и истории психологии показывает, что очень мало информации содержится, во-первых, о русских переводах данного произведения, и, во-вторых, о самих переводчиках. Историко-психологическая область исследований предполагает точное освещение и указание как биографических сведений об ученых, внесших вклад в развитие психологии, так и библиографических данных психологических произведений, сыгравших важную роль в становлении науки [16, С. 578; 21].

Научная новизна данной статьи заключается в сравнительном анализе переводов первого психологического трактата и определении влияния эпохи на оценку этого произведения. Методами данного исследования являются сравнительно-сопоставительный анализ и проблемологический анализ.

Перечень русских переводов произведения «О душе» выглядит следующим образом:

- Психологические сочинения Аристотеля. Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1874. №6. С. 976-1011.
- Психологические сочинения Аристотеля. Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1875. №5. С. 794-825.
- Психологические сочинения Аристотеля. Вып. 1. Исследование о душе / Пер. В. Снегирева. Казань, 1885. 98 с.
- Казанский А.П. Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891. (перевод 51-го отрывка).
- Аристотель. О душе. / Пер., примеч. П. С. Попова. Предисл. В. К. Сережникова. М., 1937. С. 121
- Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 369-448.

Обобщая, можно сказать, что имеется два полных перевода трактата: перевод В.А. Снегирева и П.С. Попова (но необходимо уточнить, что в переводе В.А. Снегирева пропущена половина страницы в 12-й главе 3-й книги). Один полный перевод (1875 (с переизданием в 1885)) и один частичный (1891) изданы в XIX в., и еще один (1937 (с переизданием в 1976)) – в XX в.

Снегирев Вениамин Алексеевич (1841-1889) – психолог, философ, профессор Казанской духовной академии. Преподавал психологию, логику, метафизику в Казанской духовной академии и Казанском университете, удостоен ордена Святой Анны 3-й степени и ордена Святого Станислава 3-й степени [18; 19]. Творчество В.А. Снегирева посвящено философским и методологическим проблемам психологии, проблемам общей психологии и психологии сновидений [17]. Посмертно издан его обобщающий труд – учебник «Психология» [32].

Попов Павел Сергеевич (1892-1964) – философ, логик, историк логики, ученик Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова, действительный член ГАХН, профессор философии Нижегородского университета [35], заведующий кафедрой логики МГУ, переводчик работ Аристотеля, Гегеля, Шеллинга, Дидро, первый биограф М.А. Булгакова [30; 31; 39].

Дадим краткую характеристику данных переводов и проведем сравнительный анализ текстов.

Перевод В.А. Снегирева сначала был опубликован в «Известиях и Ученых записках Императорского Казанского Университета» за 1874 и 1875 гг., здесь были опубликованы 2 книги трактата; затем перевод был переиздан с 3-ей книгой в 1885 г. в Казани в типографии Казанского университета (кроме уже указанных нескольких пропущенных предложений в конце 12-й главы 3-й книги). Перевод В.А. Снегирев осуществлял по: Aristotelis Opera omnia. Volumen tertium. Paris. Editore Ambrosio Firmin Didot, 1854.

Ответ на вопрос о том, почему В.А. Снегирев решился на первую попытку перевода этого трактата, к сожалению, неизвестен. Однако, известно, что В.А. Снегирев учился вместе с Федором Александровичем Зеленогорским (1839-1908), философом, историком философии, сначала в Нижегородской духовной семинарии, а потом и в Казанской духовной академии, только на разных курсах. Можно предположить, что ученые состояли в отношениях, в переписке. Позже, в 1871 г. Ф.А. Зеленогорский в Санкт-Петербургском университете пишет магистерскую диссертацию на тему «Учение Аристотеля «О душе» в связи с учением о ней Сократа и Платона» [1]. Возможно, занятие этой темой Ф.А. Зеленогорским

вдохновило на перевод В.А. Снегирева. Но стоит еще раз подчеркнуть, что это не подтверждено и является лишь догадкой.

Сам В.А. Снегирев так объясняет актуальность произведения Аристотеля: «Психологические сочинения Аристотеля <...> представляют, во всех отношениях, в высшей степени замечательный памятник научного творчества классической древности, заслуживающий внимания всякого, интересующегося историей науки, не только специалиста психолога. Это первый опыт специального исследования психических явлений, исследования методического, основывающегося на наблюдении фактов психической жизни во всех главных ее проявлениях. Им не только полагается прочное основание науки о душе, как отдельной самостоятельной отрасли эмпирического знания и философии, но определяется план, содержание и характер всех последующих исследований психологических в течении всех средних веков и даже в новое время у философов идеалистов – от Декарта до Гегеля включительно» [24, С. 3]. Далее Снегирев анализирует, как изменялась философия Аристотеля в толкованиях философов средних веков: «В этих заимствованиях и воспроизведениях психологическая теория Аристотеля подвергается нечувствительно существенным изменениям: она незаметно сливается с платоновской и неоплатонической метафизикой души, чему способствует учение Аристотеля об уме «деятельном» и несколько мимоходом сказанных слов о его особенной, высшей природе. В этой измененной форме психология Аристотелевская усвоена была и христианскими писателями, что особенно ясно из психологического сочинения Григория Нисского и еще более – Немезия, и таким образом слилась с христианской антропологией и имела влияние на формальную обработку многих догматов. В неоплатонической переработке психология Аристотеля за тем перешла к арабским философам, которые тоже комментировали его психологические сочинения» [24, С. 4]. В.А. Снегирев критикует то, какой ущерб нанесли комментарии средневековых богословов и философов точной передаче учения Аристотеля о душе, в результате чего сформировалась так называемая схоластическая философия, которую часто отождествляли с аристотелевской философией. Он так характеризует схоластику: «Система схоластической психологии есть создание вполне искусственное, мертвое имеющее весьма мало отношения к действительным фактам душевной жизни, потому что с самого начала новой философии выражается стремление и делаются попытки преобразовать ее» [24, С. 5]. Казанский психолог считал, что в его время багаж схоластической философии и психологии сильно тормозит развитие истинной науки о душе, что еще не произошла такая ревизия в психологии, как это было сделано в естествознании.

По его мнению, Аристотель строил психологию «правильно», понимая ее как часть естествознания, что методами ее являются естественнонаучный метод (эмпирика) и интроспекция. Душевные явления необходимо исследовать как интроспективно, так и соединяя их с физиологическими проявлениями. Однако присутствует и критика В.А. Снегирева: Аристотель только постулирует, что психология – это опытная наука о душе, на деле же греческий философ строит много умозрительных конструкций и не следует своему плану развития психологии как естественнонаучной дисциплины. Закljučая свою характеристику, казанский ученый пишет: «Из сказанного легко видеть, что психологические сочинения Аристотеля интересны не только как археологический памятник, принадлежащий к тому же одному из величайших и влиятельнейших мыслителей Европы, но как живая, действующая сила, имеющая доселе в известном отношении значение, и перевод их на русский язык не требует оправдания» [24, С. 9].

Период, когда В.А. Снегирев переводил трактат Аристотеля, характеризуется достаточно широким спектром взглядов на задачи психологии и ее предмет, на подход к изучению души/психики, однако, В.А. Снегирев избрал срединный путь: в

своей основной работе «Психология» он критикует как крайний материализм, или физиологизм, так и крайний идеализм, или эмпиризм. Для него важно сохранять оба аспекта изучения душевных явлений, т.к. полнота выражения души заключается именно в единстве внутреннего и внешнего (или собственно душевного и физиологического) [32, С. 34-49]. То, что В.А. Снегирев по образованию богослов и преподавал в Казанской духовной академии, конечно, имело свое влияние на его взгляды: в частности, в этом балансе между идеалистическим и материалистическим направлениями в психологии он отдает главенствующую роль все-таки собственно психологическому подходу – изучение душевных явлений; однако его подход не замыкается только в интроспекции, но и представляет богатый физиологический материал психической деятельности. Данный вопрос касается скорее иерархии психологии и физиологии, а не лишения той или другой науки права на исследование души.

В.А. Кольцова относит творчество В.А. Снегирева к направлению религиозно-философской психологии, которое характеризуется следующими чертами: рассмотрение души как сферы внутренней реальности, внутреннего мира человека в его внутреннем содержании, в самосознании; признание психического мира человека как некоторой самостоятельной сущности; утверждение непрерывности процесса сознания и отрицание бессознательных психических явлений; признание тезиса о тождестве веры и знания; признание наличия свободы воли у человека [15, С. 39-41]. Хотя принадлежность В.А. Снегирева к этому направлению – дискуссионный вопрос, тем не менее, действительно, он признает душу самостоятельной сущностью, что органично перекликается с психологическим учением Аристотеля (по крайней мере, в произведении «О душе»). Таким образом, психологические произведения Аристотеля – очень актуально для конца XIX в., т.к. он позволяет опереться на могучие плечи предшественников из Древней Греции в условиях существующего тогда кризиса психологии.

Перевод П.С. Попова был издан в 1937 г. в Москве. П.С. Попов очень много занимался историей философии, в том числе, и античной. Перевод трактата «О душе» осуществлялся в рамках подготовки к написанию будущей кандидатской диссертации «Этюды по гносеологии и психологии Аристотеля в их значении для современной философской мысли» в 1943 г. [30] Соответственно, работа с подлинником произведения и последующий перевод его легли в основу диссертационного исследования.

Перевод П.С. Попова выполнен по: Aristotelis de anima libri III. Recognovit Guilieimus Viehl. Lips., in aedibus Teubneri, 1884.

П.С. Попов так же, как В.А. Снегирев, считает трактат Аристотеля первым в истории науки психологическим произведением: «Это первое в мировой литературе специальное систематическое исследование, посвященное психологии в целом. До Аристотеля психологические взгляды высказывались попутно, обычно в произведениях общеполитического характера» [4, С. 115]. Историк философии фокусируется на значимости этого труда для развития теории познания: «Трактат Аристотеля <...> замечателен своими тонкими и чрезвычайно ценными соображениями и экскурсами в область теории познания (в особенности имеют значение в этом отношении отдельные главы третьей книги)» [4, С. 115].

Высоко ценит П.С. Попов естественнонаучную направленность Аристотеля при изложении некоторых частей своего учения душе: «Дело в том, что «О душе» включает в себе точки зрения, часто несовместимые (то душа самостоятельная реальность, изначальный принцип, то она лишь энтелехия физического тела, несамостоятельная, а форма чего-то другого; третья книга включает много элементов платонизма, изжитых ко времени ликийского периода педагогической деятельности Аристотеля), наиболее ценны по оригинальности биологические и

натуралистические установки психологического трактата Аристотеля; в качестве рабочих гипотез они по преимуществу сказывались в естественно-научных исследованиях Аристотеля. Здесь Аристотель – ученый-натуралист выступает подчас откровенным материалистом» [4, С. 116]. Отмечая такую важную для советской науки материалистическую составляющую в сочинении Аристотеля, П.С. Попов критикует то, как философы-идеалисты прошлого использовали учение греческого философа в своих интересах, а именно понятие «общее чувство»: «У Аристотеля не было термина сознания, но все идеалисты последующих времен с большим удовлетворением извлекали из его психологии понятие единства сознания, порой сопоставляя Аристотеля с Кантом и последующими представителями немецкого идеализма» [4, С. 116]. И далее П.С. Попов приводит еще несколько фактов, подтверждающих наличие материалистической установки у Аристотеля при рассмотрении души.

Важно сказать, что публикация перевода такой работы, как «О душе» для советской философии и психологии конца 30-х гг. вызывает много вопросов. Однако в 1930-е, 1940 и в начале 1950-х гг. действительно осуществлялись переводы практически всех работ Аристотеля, даже тех, которые уже были переведены до революции. Несмотря на то, что Аристотель, как представитель античной философии, значительной частью своей философии являлся умозрительным философом (а для советской философии читай – идеалистом), тем не менее, интерес к его творчеству на протяжении советской истории был велик, как и вообще к античной философии (например, работы А.Ф. Лосева).

Актуальность этой книги для советской философии и психологии показана уже в аннотации: «Трактат «О душе» - одно из важнейших произведений Аристотеля – содержит в себе целый ряд материалистических положений и глубоких высказываний о процессе познания». Таким образом, трактат важен, во-первых, значимостью для изучения истории развития гносеологии, а во-вторых, тем, что ее положительно отмечали основатели марксизма: «<...> поучителен отзыв молодого Маркса. В 1840 г., делая систематические выписки и переводы их «De anima» Аристотеля (из третьей и первых двух глав первой книги, Карл Маркс по поводу четвертой главы третьей книги по вопросу о реальности понятий пометил: “Глубокомыслие Аристотеля самым удивительным образом вскрывает наиболее тонкие умозрительные проблемы. Он своего рода искатель кладов. Как бы где ни пробивался под кустарником в ущелье живой источник, всюду на него безошибочно направлен волшебный жезл Аристотеля” (K. Marx, Werke und Schriften bis Anfang 1844. Berlin, 1929, S. 107)» [4, С. 115-116].

К этому можно добавить высказывание философа Виктора Константиновича Серезникова (1873-1944), который написал предисловие к переводу П.С. Попова. Он пишет: «Классики марксизма-ленинизма высоко ценили произведение Аристотеля “О душе”. Аристотель был одним из любимых философов Маркса. Еще в юношеские годы Маркс работает над проблемами аристотелевской философии. <...> Ленин в “Философских тетрадах”, вскрывая попытку Гегеля извратить материалистические заметки на полях, в частности в той части конспекта лекций Гегеля по истории философии, где Гегель разбирает трактат Аристотеля “О душе”. “Гегель *выцарапывает* (курсив В.С. – А.К.) из Аристотеля, что де “разум и постигаемое только разумом одно и то же”... “Образец идеалистических натяжек идеалиста!! Подделка Аристотеля под идеалиста XVIII-XIX века!!”» [4, С. V-VI]. В итоге В.К. Серезников обозначает психологическое учение Аристотеля как материалистический сенсуализм.

Сравнивая позиции переводчиков В.А. Снегирева и П.С. Попова, с уверенностью можно сказать, что они схожи в том, что усматривают во взглядах Аристотеля на душу естественнонаучную позицию, однако расходятся в итоговой

оценке: В.А. Снегирев считает, что греческий философ только постулирует эмпирический подход в психологии, но на деле занимается умозрением (что и понятно – наука времен Аристотеля еще не достигла того уровня, когда возможно было бы изучать душу эмпирически, с физиологической стороны); П.С. Попов, наоборот, приписывает Аристотелю материализм, особенно, в гносеологической части его учения (и это так же понятно – советский диалектический материализм накладывал свои ограничения).

Касаясь вопроса сравнения текстов и терминологии, которую использовали для своих переводов рассматриваемые ученые, приведем некоторые ключевые моменты.

Прежде всего, необходимо указать, что написал сам П.С. Попов о предыдущем переводе и его предшественнике. П.С. Попов пишет: «Трактат «О душе» был переведен на русский язык проф. В. Снегиревым: «Психологические сочинения Аристотеля. Выпуск I. Исследование о душе» - Казань, 1885. Перевод обнимает всё произведение Аристотеля с случайным, надо думать, пропуском конца двенадцатой главы III-й книги. Первоначально перевод Снегирева печатался в «Ученых записках Казанского университета». Перевод первой книги трактата Аристотеля — в «Записках» 1874 г., № 6; второй книги - вт. XII, 1875 г. Для своего времени это был солидный труд. Снегирев предполагал также издать на русском языке мелкие психологические трактаты Аристотеля, но ограничился первым выпуском. Язык перевода не устарел, но в переводе встречается ряд оплошностей и ошибок, благодаря чему им пользоваться не рекомендуется» [4, С. 121].

Возможно, действительно в переводе В.А. Снегирева есть неточности в переводе, но, как уже было показано, в советское время осуществлялся всех работ Аристотеля, несмотря на то, что уже таковые имелись. Поэтому такая характеристика перевода Снегирева – весьма кратка и суха, без деталей и комментариев.

Психологические термины, использующиеся в переводах, несмотря на разницу во времени переводов и уровне развития психологической науки, в основном совпадают: душа, ощущение, представление, осязание, мышление, познание, воображение, вера, убеждение, страх; общенаучные термины: движение, покой, число, фигура, величина. Задача переводчиков была непростая: с одной стороны, сохранить лексику психологии и философии Древней Греции, с другой, изложить понятным языком для современников. Различия были найдены в следующих терминах (см. табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение используемых терминов
в русских переводах трактата Аристотеля «О душе»**

Перевод В.А. Снегирева (1885)	Перевод П.С. Попова (1937)
стихии (С. 23)	элементы (С. 13)
стремление (С. 30)	пожелательная способность (С. 21)
душевные способности: растительная, ощущение, мышление, движение (С. 43)	душевные способности: питательная (растительная), осязающая, разумная, движение (С. 40)
ум, мыслительная способность (С. 44)	разум, теоретическая способность (С. 40)
удовольствие, неудовольствие [24, С. 44]	радость, печаль (С. 40)
«для зрения - цвет, для слуха – звук, для органа вкуса – вкус» (С. 54)	видение цвета, слышание звука, ощущение вкусового качества (С. 54)
даровиты (С. 62)	талантливы (С. 64)
душа (С. 69)	психическая сторона (С. 74)
способности достижения истины: ощущение, представление, знание, ум (С. 79)	способности достижения истины: ощущение, мнение, знание, разум (4, С. 90)
отсутствует понятие субъекта (С. 82-83)	субъект (С. 95)

отвлеченный предмет (С. 88)	абстракция (С. 102)
различение (С. 89)	суждение (С. 103)
разумная и неразумная части души (С. 90)	рациональное и нерациональное начала (С. 104)

Различия в употребляемых терминах, в первую очередь, следуют из того научного языка, который был актуальным для периода, когда осуществлялся перевод. Также преследовалась цель показать и подлинную терминологию древнегреческого психологического дискурса.

В заключении необходимо сказать об историко-психологических проблемах вопроса, изложенного в данной статье. Во-первых, перевод трактата «О душе» В.А. Снегиревым является практически забытым. Если философы указывают в философских энциклопедиях [34, С. 523-526], в биографиях Аристотеля [13; 38], что был перевод В.А. Снегирева, то психологи совсем не ссылаются на него. Например, в Большом психологическом словаре [11] для статьи «Душа» используется перевод П.С. Попова, переизданный в 1976 г.; та же картина в учебниках по истории психологии [12; 22]; новое переиздание работ Аристотеля так же включает перевод П.С. Попова [8]. Во-вторых, в некоторых психологических словарях [27; 28; 29] совсем не упоминается трактат Аристотеля «О душе», первое психологическое произведение в истории науки! И, наконец, имена переводчиков В.А. Снегирева и П.С. Попова так же являются практически забытыми для психологов: информацию об их жизни и творчестве можно найти только в философских словарях и в специальных исследованиях [30; 35; 36]. Перед историко-психологическим сообществом стоит важная задача – широкое распространение биографических и библиографических данных об Аристотеле, переводах его работ и переводчиках.

Анализ тех научных эпох, в которые работали переводчики Аристотеля В.А. Снегирев и П.С. Попов, имеют различные методологические и философские предпосылки. Однако гений Аристотеля, актуальность философского и психологического наследия древнегреческого мыслителя объединяет эти эпохи, и не только эти, но и многие другие.

Завершим исследование высказыванием Аристотеля о важности изучения души и значимости такой науки, как психология: «Признавая всякое знание делом прекрасным и достойным уважения, но в то же время ставя одно знание выше другого, или как более трудное, или как относящееся к предметам более возвышенным и удивительным, мы должны, по обеим этим причинам, справедливо дать исследованию о душе одно из первых мест» [24, С. 13].

Список литературы

1. Абашник В.А., Стоюхина Н.Ю. Зеленогорский Федор Александрович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. №2. С. 18-22.
2. Агальцев А.М. Аристотель о природе общения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 39-42.
3. Аристотель. Евдемова этика. В 8 книгах / Отв. ред. М.А. Солопова. М.: Российская академия наук, Институт философии, 2005.
4. Аристотель. О душе / Пер., примеч. П. С. Попова. Предисл. В. К. Серезникова. М., 1937. 180 с.
5. Аристотель. О памяти и припоминании // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века: исследования и переводы/ Редакторы: П. П. Гайденко и В. В. Петров. Москва, 2005. С. 407-419.
6. Аристотель. О предсказаниях во сне // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М. С. Петровой. М.: Институт всеобщей истории РАН, Центр интеллектуальной истории, Институт философии РАН, Центр античной и средневековой философии и науки, 2010. С. 169-175.
7. Аристотель. Об ощущении и ощущаемом // МЕРА ВЕЩЕЙ: Человек в истории европейской мысли. Сер. "Гуманитарные науки в исследованиях и переводах". М.: Российская Академия Наук, Институт философии РАН; Центр античной и средневековой философии и науки, 2015. С. 530-581.

8. Аристотель. Поэтика; Риторика; О душе / Пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой и П. Попова; Вступ. ст. и коммент. С. Трохачева. М.: Мир книги, Литература, 2009. 400 с.
9. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 550 с.
10. Асадуллаев И.К. Аристотель, Авиценна (Ибн Сина) и Гегель у истоков новых категорий невосполненности и восполнения // Политика и общество. 2010. № 7. С. 74-79.
11. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ, СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 868 с.
12. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004. 576 с.
13. Зубов В.П. Аристотель. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 368 с.
14. Казанский А.П. Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891.
15. Кольцова В.А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. С. 10-48.
16. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований // Современная психология. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 578.
17. Костригин А.А. Снегирев Вениамин Алексеевич: данные библиографии работ #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2015. №1. С. 32-37.
18. Костригин А.А. Снегирев Вениамин Алексеевич: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2015. №1. С. 15-21.
19. Костригин А.А. Снегирев Вениамин Алексеевич: данные биографии #2 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. №1. С. 17-20.
20. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.
21. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2. С. 202-210.
22. Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 544 с.
23. Мутсопулос Э. Аристотель о моральных и экономических кризисах // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 128-136.
24. Психологические сочинения Аристотеля. Вып. 1. Исследование о душе / Пер. с греч. В. Снегирева. Казань, 1885. 98 с.
25. Психологические сочинения Аристотеля / Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1874. №6. С. 976-1011.
26. Психологические сочинения Аристотеля / Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1875. №5. С. 794-825.
27. Психологический словарь / Под общей науч. ред. П.С. Гуревича. М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.
28. Психологический словарь / Р.С. Немов. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с.
29. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2011. 512 с.
30. Семенова А.И. Наследие П.С. Попова – профессора Московского государственного университета. Историко-философский анализ. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. философ. наук. М., 2009. 29 с.
31. Семенова А.И. Попов Павел Сергеевич // Русская философия: Энциклопедия / Под. общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 490-491.
32. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 768 с.
33. Солопова М.А. Аристотель на Востоке, на Западе и в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 4. С. 22-31.
34. Солопова М.А. О душе // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 523-526.
35. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.). Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. С. 73-79.
36. Стоюхина Н.Ю., Мазиллов В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т.2. №3. С. 138-149.
37. Фохт Б.А., Солопова М.А. Lexicon Aristotelicum: краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля // Историко-философский ежегодник. 1999. № 1997. С. 41-74.
38. Чанышев А.Н. Аристотель. М.: Мысль, 1987. 221 с.
39. Щедрина Т.Г. Павел Сергеевич Попов как историк философии // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 150-153.
40. Bradshaw D. Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom. Cambridge University Press, 2004.